

АННА СОРОКА
СОНЯ МИРОНОВА

МОЙ ОПЕР

Оперная сцена

Соня Миронова

Мой опер. Оперная сцена

«Автор»

«Автор»

2026

Миронова С.

Мой опер. Оперная сцена / С. Миронова — «Автор», «Автор»,
2026

Я приехала в Верещагино, чтобы забыть предательство и вернуть себе сцену. Теперь я руковожу Домом культуры, ставлю детский концерт и впервые за три года чувствую себя на своем месте. Пока во время репетиции кто-то не поджигает театр. Я вывожу детей, но сама оказываюсь перед бандитом с монтировкой. Меня спасает Тимофей Дубов — майор полиции и опер уголовного розыска. С преступниками он беспощаден. Со мной — неожиданно нежен. За поджогом стоит тот, кто хочет отнять наш театр, и одной спасенной репетицией дело не закончится. Впереди ночные дежурства, угрозы и прикосновения, от которых я забываю дышать. Я готова бороться за свою сцену. Но решусь ли снова доверить мужчине сердце?

© Миронова С., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Анна Сорока

Мой опер. Оперная сцена

Мой опер. Оперная сцена

Авторы: Анна Сорока и Соня Миронова

Глава 1

Майский вечер вливался в высокие стрельчатые окна репетиционного зала густым, пьянящим ароматом цветущей сирени и нагретой за день влажной земли. Из старого парка, спускавшегося к тихой речной заводи Верещажки, тянуло прохладой, но внутри нашего Дома культуры воздух был прогрет до звонкой, дрожащей плотности.

— Голубушки мои, плечи ровнее, грудью дышите, не зажимайте звук! — я мягко хлопнула в ладоши, улыбаясь двенадцати юным певуньям из детского фольклорного ансамбля «Веретёнце». — Алёнушка, колокольчик мой, запев води плавно, словно реченька течет, а в припеве подхватываем разом, на едином дыхании. Ванечка, басовую планку не роняй, держи такт.

Десятилетняя Алёнка в льняном сарафане с ручной вышивкой послушно кивнула, сверкнув ясными серыми глазенками, поправила веночек из бумажных незабудок и запела чистым, хрустальным голосом:

— Ой, да над речкой, над Верещажкой...

Ей вторил залихватистый перебор трехрядки восьмилетнего Вани — мальчишка из всех сил старался казаться взрослым, насупив белесые брови и сжимая лакированные полукорпуса инструмента. Девочки завели плавный хоровод, шурша юбками по натертому мастикой паркету. Я слушала их, и в груди сладко таяла застарелая городская горечь. Три года назад я бежала из столичной суеты, от предательства человека, называвшего себя великим режиссером, оставив позади чужие интриги, холодные взгляды и растоптанные надежды. Здесь, среди вековых коринфских колонн старинного особняка купца Гавриила Васильевича Верещагина, среди этих чистых детских голосов, я снова обрела почву под ногами. Предстоящий праздничный гала-концерт в честь юбилея театра должен был стать нашим общим триумфом — доказательством того, что настоящая культура жива вопреки всему.

Внезапно из правого служебного кармана сцены донесся сухой, резкий треск, похожий на выстрел мелкокалиберной винтовки.

Звук трехрядки оборвался на фальшивой ноте. Малыши замерли посреди круга, испуганно оглядываясь. В следующее мгновение за тяжелыми бархатными кулисами глухо ухнуло, будто в закрытую печь швырнули охапку сухого хвороста. По полу прошла мелкая вибрация, и ровный электрический свет хрустальных бра на стенах замигал, сменившись зловещим рыжеватым полумраком.

— Марина Игоревна... — испуганно пискнула Алёнка, прижимая ладошки к груди. — Там... там искры!

Из щелей служебной двери, ведущей к главному распределительному щиту сцены, повалил сизый, удушливый чад. Но пахло не просто горелой пластмассой или старой проводкой. Воздух мгновенно перерезало резким, тошнотворно-химическим запахом ацетона и промышленного растворителя.

Мое сердце сжалось от ледяного предчувствия диверсии. Я сама лично проверяла с электриками свинцовые пломбы на рубильниках в прошлый вторник... этот чад — не ветхая изоляция, а чистый, едкий растворитель, плеснутый в аппаратуру чьей-то злой рукой!

— Всем стоять на местах! — мой голос прозвучал непривычно резко, хлестко, без тени паники, заставив детей вздрогнуть и подобраться. — Никому не подходить к кулисам. Ваня, положи баян на стулья. Алёна, бери малышей за руки. Никаких слез. Мы просто спокойно выходим в парк.

Я метнулась к служебной перегородке. Рывком приоткрыв тяжелую створку, я заглянула в технологический проем. Зрелище заставило кровь застыть в жилах: металлический шкаф

электрощитовой был распахнут настежь, а силовой бронекабель, уходящий под колосники, пылал яростным, шипящим химическим пламенем. Огонь жадно лизал вековую сосновую обшивку стен, подбираясь к свисающим холщовым задникам декораций. Если пламя вырвется в колосниковый колодец — через пять минут деревянная коробка сцены превратится в гигантскую доменную печь.

* * *

— Марина Игоревна, там горит! — раздался сзади панический крик одной из старших девочек.

Чад стремительно заполнял зал, опускаясь от высокого лепного потолка плотной серой завесой. Едкий дым щипал глаза, вызывая спазмы в горле. Малыши испуганно сбились в кучу, кто-то тоненько всхлипнул, готовый сорваться в неуправляемый визг. Секунда промедления — и слепая детская давка на узкой служебной лестнице станет неизбежной.

— Тихо! Слушать меня! — я шагнула обратно в репетиционный зал, расправив плечи и глядя прямо в мокрые от слез глаза детей. — Никакой паники. Вспомните, как мы репетировали выход на поклон. Ровной цепочкой, держимся за руки. Алёнка, ты замыкающая. Быстрым шагом к пожарному выходу в левом крыле, на гранитные ступени сквера.

Я подбежала к двустворчатой двери запасного эвакуационного выхода, сорвала предохранительную пломбу и с силой ударила по стальной ручке-перекладине. Дверь со скрипом распахнулась, впуская спасительную вечернюю прохладу и чистый воздух.

— Бегом на улицу! К липам у фонтана! Ждать меня там и ни на шаг не отходить!

Ванечка, крепко держа за руку дрожащую первоклашку, первым шагнул на гранитные плиты крыльца, увлекая за собой остальных. Дети высыпали наружу, их испуганный топот затих в сиреневой аллее. Но позади меня, в чреве старого здания, раздался грозный гул разгорающегося пламени.

Я не могла уйти. Здесь, на этих вековых подмостках, хранились рукописные партитуры моего деда, уникальные дореволюционные костюмы, сшитые на деньги купца Верещагина, вся жизнь и душа этого города. Оставить театр огню означало предать саму себя.

В углу репетиционной комнаты на сундуке лежал тяжелый солдатский шерстяной плед грубой вязки. Я схватила его обеими руками, опрокинула на ткань стоявший на подоконнике трехлитровый графин со свежей водой и, прижав мокрый шерстяной ком к лицу, бросилась обратно в задымленный карман сцены.

В узком кирпичном коридоре щитовой стоял невыносимый жар. Огонь уже перекинулся на нижний деревянный плинтус и жадно карабкался вверх по драпировке. Силовой кабель трещал, разбрызгивая вокруг фосфоресцирующие белые капли горящего пластика. На полу темнели жирные лужицы несгоревшей горючей смеси — кто-то щедро облил аппаратуру перед поджогом.

Преодолевая страх, задыхаясь от ядовитой копоти, я шагнула прямо в пекло. С размаху набросила влажный суконный плед на пылающий распределитель и навалилась всем телом, перекрывая доступ кислороду.

Раскаленный металл кожуха отозвался шипением. Тонкая ткань моих блузочных рукавов задымилась, и чудовищная, обжигающая волна боли пронзила ладони. Горячая жесь и плавящаяся изоляция впились в нежную кожу рук. Слезы брызнули из глаз от нестерпимой муки, но я не разжала пальцев, яростно вбивая мокрое сукно в горящие щели щита, сбивая жадные языки пламени голыми, беззащитными руками.

Огонь под пледом захлебнулся, оставив лишь клуб едкого белого дыма. Но в глубине коридора, за полураспахнутой служебной дверью подвального выхода, послышались торопливые тяжелые шаги и хриплый матерный шепот.

* * *

Я отшатнулась от закопченного щита, прижимая обожженные, пульсирующие огнем ладони к груди. Воздуха в легких не хватало, перед глазами плыли багровые круги.

Из темного проема подвального коридора вынырнули двое.

Первый рослый, второй щуплый и верткий; оба в грязных спортивных куртках и черных вязаных шапках, натянутых до самых бровей. Лица замотаны темными платками, видны только налитые бельмами, злые глаза. В руках у первого поблескивала граненая полуметровая стальная монтировка, у второго покачивалась пустая пятилитровая канистра с остатками жидкости.

— Ты че тут забыла, сука?! — прохрипел верзила с монтировкой — подручный Хлыста Алексей Зуев по кличке Клещ, делаю шаг ко мне. — Сказано же было — сгорит всё к чертям собачьим! Брось тряпку и не дергайся, если жить охота!

Мое дыхание перехватило, но животный страх отступил перед холодной, яростной волной возмущения. Эти нелюди пришли сжечь детский театр среди бела дня.

— Вон отсюда! — выдохнула я, отступая на шаг назад и лихорадочно шаря взглядом по стенам. — Охрана уже вызвала полицию!

— Ментов приплести вздумала? — осклабился бандит и замахнулся монтировкой, метая мне в плечо, чтобы сбить с ног.

Времени на раздумья не оставалось. Преодолевая дикую боль в сожженных ладонях, я ухватила за стоявшую у кулисы тяжелую хромированную стойку микрофона на чугунном круглом блине. Выставив ее вперед как копьё, я приняла косой скользящий удар лома. Металл ударил о металл с оглушительным звоном. От отдачи обожженную кожу на пальцах словно ошпарило кипятком, ноги подкосились, но стойка соскользнула, сбив нападающего траекторию и заставив его споткнуться.

— Ах ты, тварь упрямая... — прорычал он, перехватывая лом двумя руками для смертельного удара.

Я зажмурилась, инстинктивно вскинув руки перед лицом.

В следующую долю секунды со стороны служебного входа раздался страшный, пушечный треск. Мощный удар тяжелого армейского берца буквально вынес с петель массивную дубовую дверь. Щепки брызнули веером во все стороны. В клубах врывающегося вечернего сквозняка и уличной сиреневой свежести на пороге выросла исполинская широкоплечая фигура.

Мужчина в расстегнутой темно-синей форменной куртке майора полиции, без фуражки, с коротко стриженными густыми русыми волосами и суровым, высеченным из камня лицом. В его холодных серых глазах горела такая непреклонная, грозная ярость, что бандиты оцепенели на месте.

Майор оценил обстановку за долю секунды. Без единого слова или окрика он совершил стремительный, пружинистый бросок вперед. Голой рукой он на лету перехватил опускающуюся на меня монтировку, с сухим хрустом вывернул кисть нападающего и резким подсекающим броском швырнул двухметрового громилу через бедро. Верзила с тяжелым грохотом врезался плечом и затылком в кирпичную кладку стены, выронив лом, и осел на кафель бесформенным мешком.

Второй преступник — щуплый, верткий уголовник Игнат Бабушкин по кличке Фитиль — в панике вскинул руку, пытаясь плеснуть остатками ацетоновой смеси из пластиковой бутылки прямо в лицо офицеру.

Майор молниеносно качнул корпус вбок, уходя с линии летящей жижи, и его тяжелый, жесткий кулак наотмашь врезался диверсанту в челюсть. Короткий, глухой удар сбил нападающего с ног: Фитиль с глухим хрипом кубарем покатился по кафелю, роняя бутылку.

Не теряя ни секунды, полицейский сорвал со своих широких плеч тяжелый суконный плащ, набросил его на тлеющие остатки проводки и, подхватив у стены конусное пожарное

ведро с песком, одним движением выплеснул содержимое в очаг задымления. Пламя и чад были окончательно погребены под плотным слоем суглинка.

Он заслонил меня своей огромной, надежной спиной, словно каменной стеной отгородив от пепелища. Затем медленно повернулся.

Его тяжелый, пронзительный взгляд стальных глаз скользнул по моему лицу, по сбившемуся дыханию, и замер на моих руках. Лицо майора дрогнуло, черты неуловимо смягчились.

— Назад отойди, красавица, — его голос оказался низким, глубоким, с легкой прокуренной хрипотцой, действующей на нервы как успокоительное лекарство. — Дыши носом. Глубже дыши, гарью не захлебывайся. Опергруппа уже на адресе, территория блокирована.

В этот момент оглушенный ударом Фитиль, придя в себя от сквозняка, по-змеиному извернулся на полу. Схватившись за открытую решетку подвального лаза отопления, он с отчаянным визгом рухнул в черную зияющую пасть технологического колодца. В его руке звякнула похищенная с вахты связка дубликатов ключей от технических помещений здания.

Майор рванулся было к люку, но снизу уже грохнула тяжелая железная заслонка нижнего коллектора, запирающаяся на штыревой засов с той стороны.

— Ушел, падаль... через ливневку в парк рванул, — сквозь зубы процедил офицер.

Он резко повернулся ко мне, заметив, как я покачнулась, теряя опору. Острая, невыносимая пульсирующая боль пронзила мои ладони — сильный поверхностный термический ожог первой степени от раскаленного металла щитка давал о себе знать в полную силу. Кожа на ладонях пылала, саднила до сукровицы, пальцы одеревенели от нестерпимого жара.

— Руки... — тихо прошептала я, чувствуя, как комната начинает медленно кружиться.

— Вижу, — коротко бросил майор.

Его сильная рука в мгновение ока оказалась у меня под лопатками, не давая упасть на грязный пол.

Глава 2

Свежий вечерний воздух ударил в лицо, заставив легкие судорожно расправиться.

Майор бережно поддерживал меня под локоть, выводя из задымленного служебного коридора на широкие гранитные ступени парадного крыльца. Белоснежные коринфские колонны театра величественно уходили в темнеющее майское небо, но у их подножия царило настоящее столпотворение.

Внизу, у сиреневого сквера, мигали сине-красными проблесковыми маячками патрульные машины. Взволнованная толпа матерей прижимала к себе невредимых, щебечущих ребятишек из моего ансамбля. Щелкали затворы фотоаппаратов местных репортеров, гудели моторы скорой помощи. Увидев меня, дети радостно закричали:

— Марина Игоревна! Живая!

Я попыталась улыбнуться и помахать им, но обожженные пальцы прострелило такой нестерпимой судорогой, что с губ сорвался тихий стон.

В эту секунду к ступеням торопливо подбежал молодой сержант патрульно-постовой службы. В руке он сжимал служебную рацию, а в глазах читалась полная растерянность.

— Товарищ майор! — зататорил патрульный, вытягиваясь перед моим спутником. — Тут из дежурной части... из мэрии звонили, от заместителя начальника КУМИ Валерия Павловича Коршунова! Велено в сводках зафиксировать как бытовое замыкание неисправного электрического чайника в репетиционной! Мол, проводка ветхая, халатность руководства, здание аварийное, опечатать к утру...

Майор медленно повернул голову к сержанту. В его фигуре появилось что-то пугающее, титаническое. Он сделал один шаг вниз по ступеням, нависая над растерявшимся сержантом как скала.

— Какой чайник, сержант?! — голос майора прогремел над площадью с металлической мощью колокола, заставив смолкнуть зевак. — Ты запах ацетона и растворителя от цейлонского чая отличить не в состоянии?! У тебя в кулисах диверсионная группа открытым пламенем щитовую жгла, канистрами дорогу поливала! Протокол осмотра места террористического акта составлять будем. По двести пятой статье. Лично под мою роспись и печать следственного отдела ОМВД! А Коршунову передай: пусть сам сюда приедет и этот «чайник» с пола понюхает, пока я за ним оперов не отправил! Вопросы есть?!

— Никак нет, товарищ майор Дубов! — побелевший сержант мгновенно отдал честь и кубарем скатился с лестницы к своей машине.

Дубов. Значит, его фамилия Дубов. Майор Тимофей Егорович Дубов — легендарный старший оперуполномоченный уголовного розыска, о неподкупности и тяжелом кулаке которого в Верещагино шептались даже на рынках.

— Марина Игоревна, вам в больницу надо, — робко подал голос стоявший рядом пожилой завпост дядя Миша.

— Нет... партитуры! — спохватилась я, пытаюсь высвободить локоть из хватки майора. — На рояле... там дедушкины рукописи, оригиналы нот фестиваля! Они закопятся, погибнут! Я должна...

Я сделала порыв вернуться к раскрытым дверям, но Дубов среагировал мгновенно.

Без лишних церемоний, властно и удивительно бережно он подхватил меня под бедра и талию обеими руками, оторвав от гранитных плит. Я ахнула от неожиданности, оказавшись у него на руках. Мое лицо уткнулось в его крепкое плечо, обтянутое форменным сукном. От

него пахло морозной свежестью, можжевельником, оружейным маслом и крепким, хорошим табаком — терпкий, надежный мужской запах, от которого кружилась голова.

— Никуда ты не пойдешь, Марина Игоревна, — спокойно и непререкаемо произнес он мне прямо в ухо, шагая через оцепление к стоящему у старых лип темно-зеленому служебному «УАЗ-Патриоту». — Ноты твои никуда не денутся, лично прослежу. А вот руки тебе новые никто не пришьет.

Он открыл высокую пассажирскую дверцу внедорожника и бережно усадил меня на мягкое сиденье. В просторном салоне было чисто и тепло; на передней панели стояла небольшая деревянная иконка Георгия Победоносца и лежала свежесорванная ветка лиловой сирени, наполнявшая воздух тонким ароматом.

Дубов достал из-под сиденья тяжелую армейскую аптечку в металлическом футляре. Опустившись на одно колено прямо на асфальт перед распахнутой дверью машины, он взял мои дрожащие запястья.

Я затаила дыхание. Его огромные, загрубевшие от рукопашных схваток и оружия ладони с широкими мозолистыми пальцами коснулись моей кожи с такой невероятной, благоговейной нежностью, словно он держал в руках тончайший китайский фарфор.

— Потерпи немного, родная. Сейчас отпустит, — негромко сказал он.

Тимофей встряхнул баллончик с охлаждающим пантенол-спреем и мягко, ровным слоем покрыл мои пылающие ладони густой белоснежной пеной. Ледяная прохлада мгновенно проникла в обожженные ткани, снимая дикую пульсирующую боль. Он осторожно подул на мои пальцы своим горячим дыханием, и по моему телу разлилась сладкая, пьянящая волна облегчения. Затем, действуя с ловкостью опытного военного хирурга, майор забинтовал мои ладони чистым, стерильным льняным полотном, оставив кончики пальцев свободными.

К машине быстрым шагом подошел молодой худощавый офицер в кожаной куртке — капитан Денис Стрельцов, напарник Дубова. В его руке был прозрачный полиэтиленовый пакет с вещдоками.

— Товарищ майор, связанного Зуева-Клеца увезли в изолятор. Вот, из кармана его куртки изъяли при понятих.

Тимофей принял пакет, и я увидела сквозь прозрачный пластик массивную металлическую зажигалку с золотым напылением. На ее полированном боку четко виднелась выгравированная эмблема ночного клуба «Вулкан» — факел, обвитый змеей, а от корпуса исходил резкий, удушливый запах ацетонового растворителя.

— Клуб «Вулкан»... — с мрачной усмешкой произнес Дубов. — Вотчина Хлыста. Значит, теневой воротила Аркадий Борисович Хлыстов и чиновник Коршунов уже не стесняются. Заказной след зафиксирован процессуально. Молодец, Денис.

Майор достал из крепления между сиденьями большой походный термос, отвинтил металлическую крышку-кружку и налил в нее темный, парящий чай.

— На, выпей, — он протянул кружку мне, помогая обхватить ее забинтованными пальцами. — Сладкий, с чабрецом и мелиссой. Шок снимет.

Я сделала глоток. Горячая пряная сладость обожгла горло, возвращая тепло в похолодевшее тело.

— Стрельцов! — Дубов захлопнул аптечку и поднялся во весь свой исполинский рост. — Выставляй парные посты по углам периметра. Автоматчиков из комендантского взвода — на все входы. Ни одной живой души внутрь без моего личного разрешения. Объект переходит под мой круглосуточный контроль.

* * *

Полночь опустилась на Верещагино безмолвным бархатным куполом.

Пожарные машины давно свернули рукава и уехали. Зеленая площадь перед театром опустела, лишь под вековыми липами мерно гудел на холостых оборотах патрульный УАЗ, а у белых колонн парадного входа застыли двое автоматчиков полиции в бронежилетах.

Я сидела на пассажирском сиденье «Патриота», завернувшись в наброшенную Тимофеем форменную куртку. Боль в руках благодаря пантенолу и тугой повязке притупилась до терпимого ноющего покалывания. Сам Дубов стоял у капота, неторопливо куря сигарету и вглядываясь в темные кроны парковых деревьев.

Из темноты служебного двора, прихрамывая и пугливо озираясь, к машине подошел старый завпост дядя Миша. Лицо пожилого мужчины было бледнее мела.

— Тимофей Егорович... Марина Игоревна... беда у нас, — дрожащим шепотом заговорил старик, теребя засаленный картуз. — Я вахту осматривал, обход делал... Ящичек-то настенный у дежурной вскрыт. Замочек фомкой отжат.

Дубов мгновенно затушил окурок в пепельнице на бампере и подобрался, словно барс перед прыжком:

— Какой ящичек, Михаил Семёнович? Говори четко.

— Связка запасных мастер-ключей пропала! — дядя Миша едва не плакал. — От всех технических помещений, от чердачных выходов, от колоосников и вентиляционных шахт кровли! Тётя Маша, вахтерша, божится, что никого не пускала, в слезах вся... говорит, только чайник на кухне поставить отошла на пять минут!

— Черт... — глухо выругался подошедший Стрельцов. — Значит, Фитиль в подвал не случайно прыгнул. Они заранее знали конфигурацию здания!

Я прикрыла глаза, лихорадочно перебирая в памяти события этого безумного дня. Картинки мелькали перед внутренним взором: утро, детские голоса, привоз костюмов... И вдруг воспоминание вспыхнуло с ослепительной четкостью.

— Тимофей, — позвала я, выпрямляясь на сиденье. — Утром, около десяти часов. К нам на служебный вход приходил курьер с огромной корзиной сирени. Якобы подарок от почитателей к юбилею.

Дубов мгновенно шагнул ко мне, положив тяжелую ладонь на дверцу:

— Опиши его. Каждая мелочь важна, Марина.

— Высокий, бритоголовый, в серой спортивной куртке с капюшоном, — я говорила быстро, стараясь не упустить ни одной детали. — На левой стороне куртки была нашивка с огненным драконом — такая же, как на футболках охраны клуба «Вулкан». Но главное не это. Когда он расписывался в накладной у тёти Маши на вахте, его правый рукав задрался. У него на запястье была очень приметная синяя татуировка: паутина во всю кисть, а в центре паутины — перевернутый крест. Он очень долго стоял у конторки, разглядывал доску с ключами, пока вахтерша искала очки!

Стрельцов присвистнул и тут же достал из кармана планшет:

— Паутина с крестом... Сейчас пробьем по учетным карточкам спецконтингента «Вулкана»!

Пальцы капитана запорхали по экрану, подключаясь к защищенной базе данных городского розыска. Через полминуты планшет пискнул, выводя фотографию угрюмого бритоголового уголовника с остекленевшим взглядом.

— Есть совпадение! — воскликнул Денис. — Рябов Геннадий, кличка «Гвоздь». Правая рука Хлыста по силовым акциям! А вот и сводка системы «Безопасный город»: два часа назад его «девятка» зафиксирована на парковке у Центрального рынка. Камеры сняли, как он пере-

давал металлический предмет человеку в надвинутом капюшоне — похожему по комплекции на беглого Фитиля!

— Значит, дубликаты у них, — с ледяным спокойствием подвел итог Дубов. — Они рассчитывали, что пожарные в панике опечатают здание, а ночью Фитиль спокойно зайдет через слуховые окна крыши и доведет поджог до конца. Не выйдет.

Майор решительно обошел «Патриот», открыл тяжелую заднюю дверь багажника и извлек из ящика с инструментом увесистую стальную фомку и два массивных, чугунных амбарных замка со сверкающими хромированными дужками толщиной в палец.

— Пошли, Михаил Семёнович, — скомандовал Дубов завпосту. — Показывай все чердачные выходы.

— Я с вами, — я решительно опустила ноги на асфальт.

— Сиди в машине, обожженная, — строго нахмурился Тимофей.

— Я директор этого здания, майор Дубов, — твердо ответила я, глядя ему прямо в глаза. — И я знаю каждый закоулок на этих перекрытиях лучше любого архитектора.

Тимофей посмотрел на меня долгим, изучающим взглядом, и в уголках его губ дрогнула едва заметная одобрительная усмешка:

— Характер... Ладно. Держись за меня.

Мы поднялись по гулким каменным ступеням винтовой лестницы под самые стропила театра. В полумраке чердака веяло сухим теплом векового дерева, голубиным пером и цветущей за окнами сиренью. Дубов подошел к массивной кованой двери, ведущей на технологические мостки колосников, вставил фомку под старую накладку замка и чудовищным усилием плеч сорвал скомпрометированный механизм с мясом.

Вместо него он завел в проушины тяжелую дужку амбарного замка, захлопнул ее со звонким оружейным щелчком, повернул плоский ключ и вытащил его из скважины. Ту же операцию он повторил на выходе к вентиляционной шахте купола.

Затем Тимофей повернулся ко мне. Взял мою забинтованную руку, осторожно раскрыл пальцы и вложил в ладонь холодные, тяжелые ключи на стальном кольце.

— Держи, хозяйка. Единственный комплект. Теперь сюда ни одна хлыстовская крыса без шума не пролезет. А если полезет снаружи — лично с крыши сброшу.

Глава 3

Мы спустились обратно в фойе.

Тимофей лично захлопнул тяжелые дубовые створки парадного входа. Массивный стальной засов с глухим, могильным стуком встал на свое место, отрезая нас от ночного города.

В полумраке высокого вестибюля стояла гулкая, торжественная тишина. Запах гари и перегретого кабеля медленно, но неотвратимо растворялся в ароматах свежего полевого чабреца от моего термоса и терпкого табака Дубова.

Майор подошел ко мне вплотную. В полумраке его высокая, мощная фигура казалась скалой, способной выдержать удар любой стихии. Он мягко взял меня за плечи, и сквозь ткань блузки я ощутила уверенное, согревающее тепло его сильных рук. Его стальные глаза смотрели прямо в мою душу — без тени казенной сухости, с той первобытной мужской заботой, о которой я втайне мечтала всю свою сознательную жизнь.

— Домой ты сегодня не поедешь, Марина Игоревна, — глухо, с непрекращаемой нежностью произнес он, и его голос мягким эхом отозвался под лепными сводами. — Твою квартиру возле парка люди Хлыста уже пасут, Стрельцов доложил. И я отсюда никуда не уйду. С этой минуты я организую круглосуточную засаду прямо в твоих кулисах. Будем ночевать в театре. Я растоплю печь в твоей гримерке, напою тебя чаем и перевяжу руки заново. А завтра на рассвете мы вернем этой сцене свет.

* * *

Отголосок тяжелого засова затих под сводами фойе. Мы поднялись по полутемной служебной лестнице в правое крыло, где среди старинных портретов дореволюционных актеров пряталась моя директорская гримерная.

В комнате было зябко и сумрачно. Я щелкнула тумблером настольной лампы под темно-зеленым стеклянным абажуром — мягкий изумрудный круг света выхватил потертый велюровый диванчик, старинное овальное трюмо и круглый дубовый столик. Я опустилась на диван, обессиленно прислонившись спиной к прохладной спинке. Адреналиновая буря, державшая меня на ногах последние часы, внезапно улеглась, и по телу прокатилась мучительная, крупная дрожь нервного отката. Зубы начали мелко выстукивать дробь, а обожженные ладони, зажатые в льняные бинты, заныли с новой, тягучей силой.

— Сейчас согреешься, — послышался из дверного проема спокойный, уверенный голос Дубова.

Он вошел, неся на мускулистом плече охапку сухих колотых березовых поленьев, а в свободной руке — закопченный походный чайник и жестяную коробку. Сбросив дрова у чугунной печи-буржуйки в углу гримерки, майор опустился на одно колено. Его движения были скупыми, расчетливыми и поразительно быстрыми: пара взмахов охотничьим ножом — и белая береста превратилась в тончайшую стружку, сухо щелкнула кремнем его тяжелая солдатская зажигалка, и веселое золотое пламя жадно охватило сухие смолистые щепки.

Через минуту пузатая чугунная печурка загудела ровным, бархатным басом. По комнате поплыло живое, целебное тепло, пахнущее древесным соком и березовой смолой.

Тимофей поднялся, вытер руки ветошью и подошел ко мне. Опустившись на корточки прямо перед диваном, он мягко коснулся моих озябших коленей:

— Давай сюда руки, Марина. Пора повязку сменить, пока сукровица к бинту не присохла.

Я неловко протянула ему руки. Пальцы мелко подрагивали, плечи свело судорогой. Дубов с ювелирной осторожностью, едва касаясь подушечками пальцев, разматал полотняные

ленты. Кожа на ладонях была багровой, воспаленной, но крупных пузырей благодаря ледяному пантенолу удалось избежать.

Из кармана форменных брюк майор достал небольшую жестяную баночку с потертой надписью. Отвинтив крышку, он зачерпнул пальцем густую золотисто-янтарную мазь. Комнату мгновенно заполнил резкий, пьянящий дух глухой сибирской тайги — смолы векового кедра, пчелиного воска и медвежьего жира.

— Таежный кедровый бальзам на чистой живице, — негромко пояснил он, аккуратно, круговыми движениями распределяя прохладный состав по моим горящим ладоням. — Старый егерь на Севере научил. В тайге им пользовались. Но с твоими руками еще придется поберечься. Терпи, сейчас похолодеет.

Хвойная прохлада вонзилась в обожженную ткань, и пульсирующий пожар в пальцах начал медленно, блаженно угасать. Я перевела дыхание, невольно разглядывая его лицо в зеленоватом полумраке лампы: крутой лоб, упрямый излом бровей, тонкий белый шрамик над переносицей и четко очерченные, строгие губы. Внезапно мой взгляд скользнул по его правому кулаку, лежавшему на моем колене.

Широкие костяшки пальцев были содраны до мяса, на суставах запеклась темная сукровица — след того сокрушительного удара, которым он отправил бандита на кафельный пол сцены.

— Тимофей... у вас же рука в крови, — тихо выдохнула я.
Майор равнодушно глянул на свой кулак:

— Ерунда. О диверсанта приложился. До свадьбы заживет.

— Ничего не ерунда, — я решительно перехватила его тяжелую, горячую кисть своими забинтованными пальцами, заставив его замереть от неожиданности. — В ящике трюмо есть спиртовая настойка прополиса и стерильная марля. Достаньте, пожалуйста.

Тимофей удивленно приподнял бровь, но спорить не стал. Он молча принес флакон темного стекла. Я намочила край марлевой салфетки густой пахучей жидкостью и, преодолевая легкую неловкость, осторожно прижала ее к его сбитой коже. Тимофей даже бровью не повел, только шумно втянул ноздрями воздух, не отводя от меня потемневших, горячих глаз.

В примерке все еще тонко тянуло едким привкусом гари от моей блузки. Заметив, как я поморщилась, Дубов поднялся, снял с вешалки свой форменный шерстяной китель майора полиции и бережно набросил мне на плечи. Сукно было тяжелым, плотным и хранило в себе глубокое тепло его сильного тела, терпкий запах пороха, оружейного масла и можжевельника. Этот запах окутал меня со всех сторон, создавая непробиваемый панцирь безопасности.

Тимофей подошел к высокому стрельчатому окну и распахнул тяжелые створки фрамуги. Ночной весенний ветерок ворвался в комнату, принес с собой свежесть омытого росой парка и пьянящий аромат распустившейся сирени. Майор налил из закопченного чайника две эмалированные кружки крепкого крутого кипятка, бросив туда щедрую горсть сушеных трав из жестянки.

— Пей, Марина. Тут чабрец, зверобой и сушеная лесная земляника. Через полчаса спать будешь как ребенок.

Я обхватила кружку ладонями, вдыхая пар, и сделала глоток. Горячее травяное тепло разлилось по венам, смывая последние крупницы страха. Мы сидели в тишине у потрескивающей буржуйки, глядя на пляшущие языки огня, и разделявшая нас прежде стена казенной подозрительности и одиночества таяла с каждым ударом часов.

* * *

Два часа ночи ударили на старинных часах в фойе глухим, протяжным боем.

Внезапно под потолком гримерной раздался сухой электрический щелчок: единственная контрольная лампа аварийного освещения мигнула и погасла. Здание погрузилось в абсолютную, непроглядную тьму. Из приоткрытой двери коридора дохнуло едва уловимым, тревожным запахом перегретой изоляции.

— Сеть отрубилась окончательно, — раздался в темноте спокойный голос Дубова. Щелкнула кремнем зажигалка, озарив его суровый профиль, и луч мощного подствольного фонаря разрезал мрак. — Городская подстанция, похоже, отключила фидер по заявке пожарных. Без электричества завтра прогон сорвется к чертям, а к десяти утра нагрянет комиссия Коршунова с готовым актом об аварийности.

Я поднялась с дивана, сбрасывая остатки оцепенения:

— Нет. Ничего они не опечатают. Посвети мне к несгораемому шкафу в углу.

Тимофей направил луч света на тяжелый дореволюционный сейф завода Меллера с латунной поворотной ручкой. Обожженными, но уже послушными пальцами я набрала шифр на диске и потянула полупудовую дверцу на себя. Внутри ровными рядами лежали пожелтевшие архивные папки. Я безошибочно вытянула узкий картонный тубус с сургучной печатью.

На круглом столе мы раскатали плотный льняной лист — оригинальную архивную синьку 1960 года, генеральный план послевоенной электрификации Дома культуры с рукописными пометками главного инженера строительства.

— Вот, смотри, — я указала кончиком карандаша на нижний контур подвала под левым карманом сцены. — Основной силовой ввод они сожгли. Но в шестидесятом году при реконструкции сцены здесь проложили законсервированный резервный бронекабель прямо от распределительного узла городского водоканала! Он автономен и не зависит от сетей мэрии. Линию замуровали в кирпичную нишу за ненадобностью, но сам кабель не демонтировали!

Дубов впился взглядом в чертеж, его серые глаза хищно блеснули:

— Марина... да тебе в главном разведуправлении цены бы не было! Кабель водоканала — это же стратегическая ветка, ее Коршунов при всем желании обесточить не сможет. Пошли в подвал!

Мы спустились по узкому каменному трапу в нижний трюм. В сыром, пахнущем вековой известью подвале гуляло гулкое эхо. Тимофей подошел к глухой кирпичной перегородке под сценой, примерился лучом фонаря к старой кладке и, перехватив монтировку обеими руками, мощным, выверенным движением вогнал острие в известковый шов.

Штукатурка осыпалась дождем. Выломав несколько кирпичей, майор открыл потайную стенную нишу: в луче света тускло блеснула нетронутая, тяжелая свинцовая броня резервного силового ввода. Концы кабеля были бережно заизолированы еще советскими мастерами.

— Живой ввод! — выдохнул Тимофей, погладив холодный металл широкой ладонью. — Медь в палец толщиной. Но рубильник уничтожен огнем. Чем запитывать обводную ветку?

— В реквизиторской кладовой сохранился старый щитовой комплект с запасными керамическими вставками и медными шинами! — отозвалась я, помня каждый ящик нашего фонда.

Через десять минут мы уже склонились над верстаком. Я направляла белый луч фонаря прямо на распределительный блок, затаив дыхание и не сводя глаз с его рук. В полумраке подвала эти огромные, огрубевшие ладони двигались с поразительной, ювелирной ловкостью. Тимофей разделял неподатливый кабель, крепил контактные пластины и паял соединения с абсолютной, невозмутимой уверенностью человека, привыкшего чинить сложнейшую технику

в полевых условиях. Мышцы его плеч натягивали ткань майки, на висках серебрились капли пота, а воздух наполнялся запахом горячей канифоли и свежего металла. Под светом моего фонаря он не просто чинил проводку — он возвращал к жизни сердце моего театра, легко подчиняя себе мертвую медь и железо.

Когда кабельная муфта была смонтирована, мы поднялись на сцену к главному распределительному щиту правого портала.

— Кулисы! — напомнила я, указывая на старинный бордовый бархат обрамления сцены. — Если при пробном пуске проскочит искра, ткань вспыхнет как порох.

Вдвоем мы быстро стянули из пожарного отсека тяжелые брезентовые чехлы и наглухо укрыли вековой бархат порталов от пола до двухметровой высоты.

Мы встали перед чугунным шкафом рубильника. Тимофей повернулся ко мне. В полумраке его лицо казалось высеченным из гранита, но в глазах плескалась теплая, задорная искра. Он накрыл своей огромной, горячей мозолистой ладонью мои забинтованные пальцы, аккуратно укладывая их на массивную чугунную рукоять:

— Твой театр, Марина Игоревна. Давай вместе.

Мы с силой налегли на рычаг и опустили его вниз.

Где-то в недрах подвала с глубоким, бархатным, органным гулом ожил мощный понижающий трансформатор. Щелкнули магнитные пускатели, по медным шинам побежал живой ток, и в следующее мгновение порталы сцены, рампа и колосники озарились теплым, янтарным, ослепительным сиянием сценических софитов.

Зал ожил. Вековой бархат кресел вспыхнул глубоким рубиновым цветом, лепные золоченые купидоны под куполом словно расправили крылья. Я смотрела на залитую светом сцену, и по моим щекам катились слезы чистейшего счастья. Мы победили тьму.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.